

ΔΙΕΘΝΕΣ ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΟ ΣΥΝΕΔΡΙΟ
ΚΥΡΙΛΛΟΣ ΚΑΙ ΜΕΘΟΔΙΟΣ:
ΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΟ
ΚΑΙ Ο ΚΟΣΜΟΣ ΤΩΝ ΣΛΑΒΩΝ
ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ 2015

ΔΗΜΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ

ΠΡΑΚΤΙΚΑ ΔΙΕΘΝΟΥΣ ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΟΥ ΣΥΝΕΔΡΙΟΥ
«ΚΥΡΙΛΛΟΣ ΚΑΙ ΜΕΘΟΔΙΟΣ. ΤΟ ΒΥΖΑΝΤΙΟ ΚΑΙ Ο ΚΟΣΜΟΣ ΤΩΝ ΣΛΑΒΩΝ»
ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 2015

Διεύθυνση- Συντονισμός Συνεδρίου:
Αντώνιος-Αιμίλιος Ταχιός

Γραμματεία Συνεδρίου:
Αυτοτελές Τμήμα Δημοσίων και Διεθνών Σχέσεων Δήμου Θεσσαλονίκης

Επιμέλεια-Οργάνωση Συνεδρίου:
Αντώνιος-Αιμίλιος Ταχιός, Έλλη Βουζογλάνη, Αικατερίνα Κρικώνη

Επιστημονική επιμέλεια:
Αγγελική Δεληκάρη

Συντονισμός έκδοσης:
Όλγα Κοτσαμπάς

Επιμέλεια κειμένων: Thessprint A.E.
Σχεδιασμός έκδοσης: Thessprint A.E.
Εκτύπωση-Βιβλιοδεσία: Thessprint A.E.
© Δήμος Θεσσαλονίκης
© Για τα κείμενα: Οι συγγραφείς

ΔΗΜΟΣ ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗΣ
Βασιλέως Γεωργίου Α 1
54640, Θεσσαλονίκη
Τηλ. 2313317182, Φαξ 2313-317185
www.thessaloniki.gr

ISBN: 978-618-81018-1-4

Την ευθύνη για το περιεχόμενο των κειμένων, τις φωτογραφίες και τις εικόνες, που δημοσιεύονται στο παρόν βιβλίο – Πρακτικών του Διεθνούς Επιστημονικού Συνεδρίου «Κύριλλος και Μεθόδιος. Το Βυζάντιο και ο κόσμος των Σλάβων» έχουν αποκλειστικά οι συγγραφείς-εισηγητές του Συνεδρίου.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
CYRIL AND METHODIUS:
BYZANTIUM
AND THE WORLD OF THE SLAVS
THESSALONIKI 2015

ΜΟΥΣΕΙΟ
BYZANTINΟΥ
ΠΟΛΙΤΕΙΣΜΟΥ

MUSEUM
OF BYZANTINE
CULTURE

ΚΕΝΤΡΟ ΜΕΛΕΤΗΣ
ΙΣΤΟΡΙΚΗΣ
ΕΚΚΛΗΣΙΑΣΤΙΚΗΣ
ΚΥΡΙΑΡΧΕΙΑΣ
ΚΑΙ ΜΕΘΟΔΙΟΥ

2013 Year of Saints
CYRIL AND
METHODIUS

SCIENTIFIC COMMITTEE

Antony-Emil Tachiaos,

*Em. Professor, Aristotle University of Thessaloniki,
Corresponding member, Academy of Athens,
Foreign member, Serbian Academy of Sciences and Arts
and Bulgarian Academy of Sciences, President of the Centre for the Study
of the Cultural Heritage of Cyril and Methodius, Greece,
President of the Scientific Committee*

Reverend Archimandrite Nicephorus Phychloudis,

*Dr. of Theology, Abbot of the Holy, Patriarchal Stavropegic
Monastery of the Vlatades (Moni Vlatadon)*

Ioannis Tsekouras,

Emer. Professor and ex-rector of the University of Macedonia

Chrysanthi Mavropoulou-Tsioumi,

Emer. Professor, Aristotle University of Thessaloniki

George Velenis,

Emer. Professor, Aristotle University of Thessaloniki

Michael Tritos,

Dean of the Faculty of Theology, Aristotle University of Thessaloniki

Harvey Goldblatt,

*Professor of Medieval Slavic Literature, Chair, Slavic Languages
and Literatures, Yale University*

Pierre Gonneau,

*Professor of the University of Sorbonne, Director,
Institute of Slavic Studies, Paris*

Marcello Garzaniti,

*Professor of Slavic Philology, University of Florence,
President, Italian Association of Slavists, Italy*

Gel'ian Prochorov,

*Professor, Member of the Institute of Russian Literature
of the Russian Academy of Science in St. Petersburg*

Maria Mavroudi,

Professor of Byzantine History, University of California, Berkeley

Agathoniki Tsilipakou,

Dr., Director, Museum of Byzantine Culture, Thessaloniki

Nicolaos Marantzidis,

*Associate Professor, Department of Balkan, Slavic and Oriental Studies,
University of Macedonia*

Athanasios Semoglou,

*Associate Professor, Department of History and Archaeology,
Aristotle University of Thessaloniki*

Ilias Evangelou,

*Assistant Professor, Department of Theology, Aristotle University
of Thessaloniki*

Angeliki Delikari,

*Lecturer, Department of History and Archaeology, Aristotle University
of Thessaloniki, Greece*

Византийская миссия у венгров в X в.: вопрос о славянском языковом посредничестве

Андраш Золтан (András Zoltán)

Венгры пришли в Паннонию ок. 895 г., т. е. примерно через 10 лет после смерти св. Мефодия, и поселились здесь среди славян, позаимствовав показательное число слов из их языка. В массе старых славянских заимствований венгерского языка значительное место занимают элементы христианской терминологии, большинство которых носит субстратный характер и является нейтральным по отношению к принадлежности носителей славянского языка-источника к христианству западного или восточного обряда.¹ В меньшем количестве, но все-таки имеются в венгерском языке и христианские термины, которые не могут быть объяснены из языка паннонских славян, а явно указывают или на юго-запад (кайкавско-словенский ареал), или же на Македонию как на область своего первичного распространения.

Несмотря на то, что окончательную победу в Венгрии одержала западная миссия, в результате которой при Гезе и Стефане I венгерское христианство прочно вошло в сферу влияния римской церкви, венгерская христианская терминология сохраняет донныне ряд важных терминов, восходящих к терминам, бытующим в языках славян, принадлежащих к православной церкви, и неизвестным славянам-католикам.

Древность этого православного славянского слоя венгерской христианской терминологии не вызывает сомнений: эти слова должны были быть прочно усвоены как эле-

¹ Е. А. Хелимский, «Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке», Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов, Братислава, сентябрь 1993 г., Доклады российской делегации. Москва 1993, 46-64.

менты венгерской лексики до начала западной миссии, так как в противном случае они были бы заменены словами, обычными в языках славян-католиков. Таким образом, этот слой славянских заимствований в венгерском языке с уверенностью можно отнести к X веку.

Дискуссионными являются вопросы, связанные с конкретными путями проникновения этих заимствований в венгерский язык, т. е. культурно-исторический фон заимствования этих терминов, а также определение непосредственного источника заимствования. Иштван Книежа в своем этимологическом словаре славянских элементов венгерской лексики² ограничивался обычно констатацией, что эти слова были заимствованы венгерским языком из языка одного из православных славянских народов, указывая на соответствующие формы в старославянском, в церковнославянском русской и сербской редакций, в русском, украинском, болгарском и сербском языках; только в случае венг. *zarándok* 'паломник' (ср. ст.-сл. *страньникъ*; русск.-цсл. *страньникъ*, русск. *странник* из цсл.) он высказался определенно в пользу заимствования венгерского слова из древнеболгарского.³ И. Книежа при этом категорически отрицал возможность какого-нибудь воздействия старославянского языка на венгерскую лексику (см. Kniezsa 1955: 121, 175).⁴ Однако, учитывая сказанное о хронологии этих слов в венгерском, мы должны прийти к выводу о том, что также в случае других перечисленных выше слов самым вероятным передатчиком был древнеболгарский, поскольку во время крещения Руси (988 г.) в Венгрии уже развернулась западная миссия, а в X веке с сербами венгры еще не имели непосредственных контактов. Поэтому Оскар Ашбот в свое время рассматривал все эти слова наравне с другими древнеболгарскими заимствованиями венгерского языка как результат болгарско-венгерских пограничных языковых контактов.⁵ Янош Мелих, в свою очередь, подчеркивал принадлежность этих слов к церковной терминологии и возводил их к старославянскому книжному языку (древнецерковнославянскому в его терминологии), не обосновав, однако, в каких конкретных обстоятельствах такое влияние могло иметь место.⁶

Таким образом, в венгерском языке имеется ряд древних христианских терминов, которые по хронологии и по культурно-историческим соображениям могут быть только древнеболгарскими по происхождению, но они не могут быть заимствованными из

2 I. Kniezsa, *A magyar nyelv szláv jövevényszavai*, I/1–2. Budapest 1955.

3 Kniezsa, *A magyar nyelv*, 568–569.

4 Kniezsa, *A magyar nyelv*, 121, 175.

5 O. Asbóth, *A szláv szók a magyar nyelvben*, Budapest, 1983; O. Asbóth, *Szláv jövevényszavaink*, 1. Bevezetés és a különböző rétegek kérdése, Budapest 1907.

6 Melich János, *Szláv jövevényszavaink*, I/1–2. Budapest 1903–1905.

старославянского книжного языка, так как старославянский литургический язык перестал функционировать в Паннонии до пришествия венгров. Как преодолеть это противоречие?

Древний православный пласт венгерской христианской терминологии естественнее всего связывать с византийской миссией к венграм в середине X века, как это и делается в работах венгерского историка Дьёрдя Дьёрфи.⁷ Основным источником об этой миссии является хроника Иоанна Скилицы (вторая половина XI в.), согласно которой константинопольский патриарх Феофилакт (933–956 гг.) в связи с крещением венгерского вождя Дьюлы в Константинополе (это событие датируется 953 г.)⁸ поставил в епископы Венгрии монаха Иерофея, который, прибыв к венграм, обратил многих венгров в христианство.⁹ Развивая мысль Дьёрдя Дьёрфи, можно сделать вывод, что православный слой венгерской христианской терминологии имеет древнеболгарский характер не потому, что византийская миссия имела успех прежде всего в юго-восточной Венгрии (на территории вождя Дьюлы), т. е. на территории, которая раньше (до пришествия венгров в 895 г.) входила в состав Болгарии и для которой можно предположить болгарское (как протоболгарское, т. е. тюркское, так и славяноболгарское) население во время вторжения венгров в Карпатский бассейн, а потому, что греческие миссионеры, прибывшие к венграм в сопровождении епископа Иерофея ок. 953 г., распространяли христианскую веру среди венгров при помощи древнеболгарского (разговорного) языка, которым владели греческие миссионеры (или часть их), т. е. в качестве языка-посредника между греками и венграми выступал и в данном случае славянский язык, точно так же, как и позже в случае западной миссии между немцами и венграми. Разница заключалась только в том, что на территории епископства с центром в городе Пассау можно было найти и отправить к венграм священников, знавших словенский или кайкавско-хорватский, а в Византии имелись священники, говорившие на славяноболгарском. Таких билингвов можно было найти легче всего на территориях со смешанным – греческим и славянским – населением, не вошедших в состав 1-го Болгарского царства, а оставшихся в пределах Византийской империи. Эти билингвы могли вообще не знать славянский литургический язык, созданный своими соотечественниками – Константином-Кириллом и Мефодием – 90 лет тому назад, могли быть совершенно не знакомы с древнеболгарской грамотой, но они говорили на

7 Gy. Györffy, *István király és műve*, Budapest 1983 (2. изд.), 48; Gy. Györffy, *Magyarország története*, I/1–2. Előzmények és magyar történet 1242-ig, Budapest 1984, 684.

8 См. Györffy, *István király*, 682–683.

9 См. Gy. Moravcsik, *Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai – Fontes Byzantinae historiae Hungaricae aevi ducum et regum ex stirpe Árpád descendunt*, Budapest 1984, 85.

том славянском диалекте, который был положен в основу этого литургического языка Константином-Кириллом и Мефодием, т. е. они были знакомы с разговорным субстратом первого литературного языка славян. В подтверждение сказанного мне хотелось бы обратить внимание на несколько слов славянского происхождения, входящих донельзя или входивших раньше в венгерскую христианскую терминологию, которые могут быть заимствованными только из языков православных славян Македонии.

Венг. *karácsony* ‘рождество’, засвидетельствованное в памятниках венгерского языка начиная с 1211 г., восходит к славянскому источнику, который известен в древнерусском – *корочюнь* ‘пост перед рождеством’,¹⁰ в русских диалектах – *карачун* ‘солноворот, день 12 декабря, Спирдоньев день’,¹¹ а также в болгарских диалектах – *крачун* ‘народен празник по летен или зимен кръговрат на слънцето: някъде 8–21 юни, а другаде Бъдни вечер’;¹² исходным значением предполагаемого праславянского **korčunъ* могло быть скорее всего ‘солнцеворот’, как летний, так и зимний. Поскольку в венгерском языке слово *karácsony* изначально входит в церковную терминологию в качестве названия христианского праздника ‘рождество Христово’, оно едва ли могло быть заимствованным из древнерусского *корочюнь* в значении ‘зимний солнцеворот’ и потом уже в венгерском превратиться в название христианского праздника независимо от этимона (вопреки мнению А. М. Рота).¹³ Заимствованию из древнерусского противоречит и наличие в венгерском старых вариантов *kracsun*, *kracson*.¹⁴ Знаменательно, что славянское *крачун* исключительно в значении ‘рождество Христово’, т. е. в значении, точно соответствующем значению венгерского слова *karácsony*, засвидетельствовано как раз в македонских диалектах на территории Греции и Албании.¹⁵ Не может быть случайным, что в румынском *crăciun* обозначает также ‘рождество Христово’. Поскольку венгерская христианская терминология не испытывала никакого влияния со стороны румынской,¹⁶ венгерское слово не может быть заимствованным из румынского; но поскольку румынская церковь в средневековье подчинялась охридскому епископству,¹⁷

10 Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 7, Москва 1980. 344; см. также Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), т. IV, Москва 1991, 270.

11 В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. II, Санкт-Петербург; Москва 1881 (2. изд.), 91.

12 В. И. Георгиев (ред.), Български етимологичен речник, т. II, София 1979, 726.

13 См. А. М. Рот, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest 1973, 252–253.

14 Kniezsa, A magyar nyelv, 254.

15 L. Benkő (főszerk.), A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, II, Budapest 1970, 371; L. Benkő (Hg.), Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen, I, Budapest 1993, 693.

16 Kniezsa, A magyar nyelv, 254.

17 St. Kniezsa, «Siebenbürgen zur Zeit der Landnahme und die Ansiedlung des Ungarntums», E. Mályusz (Hg.), Siebenbürgen und seine Völker, Budapest; Leipzig; Milano 1943, 32.

вполне возможно, что венг. *karácsony* и рум. *crăciun* заимствованы параллельно из того же югозападноболгарского (македонского) источника.

Венг. *hála* ‘благодарность’ в принципе может восходить к любому славянскому языку, в котором праславянское *chvala* имеет наряду со своим общеславянским значением также значение ‘благодарность’, т. е. к словенскому, сербохорватскому или древнеболгарскому. Венг. *hála*, однако, входит в устойчивое сочетание *hálát ad* ‘благодарить’ (буквально: «хвалу [= ‘благодарность’] да[ва]ть»), которое в венгерском употребляется доныне почти исключительно только в религиозном контексте (в других контекстах употребляется глагол *köszön* ‘благодарить’). Этот фразеологизм из современных южнославянских языков имеет точные параллели только в языках южных славян, давно соседствующих с венграми – в кайкавско-хорватском и словенском, в которых соответствующий фразеологизм *hvalu dati* является скорее всего калькой с венгерского.¹⁸ Венгерский фразеологизм *hálát ad* ‘благодарить’ имеет точное соответствие в древнеболгарских евангельских текстах: *хвалѣ въздавати* ‘благодарить’. Учитывая древность (в памятниках отмечается с XIV в.)¹⁹ и явно церковное происхождение фразеологизма *hálát ad* в венгерском (вопреки мнению Иштвана Книежи),²⁰ а также несоответствие с латинским выражением *gracias ago*, встречающимся в латинском переводе Нового завета в соответствующих местах, я склонен видеть в венгерском выражении *hálát ad* полукальку древнеболгарского выражения *хвалѣ въздавати*, а в существительном *hála* – заимствование из древнеболгарского *хвала* ‘благодарность’ (вопреки мнению составителей современных этимологических словарей венгерского языка, которые венг. *hála* возводят к сербохорватскому или словенскому).²¹

Показательно в данном отношении и происхождение венгерского слова *pitvar* ‘сени’, которое в настоящее время является термином народной архитектуры, но впервые засвидетельствовано в явно религиозном контексте *pulkul pituara* ‘преддверие ада’ (ок. 1300 г.),²² что однозначно указывает на то, что это ныне народное венгерское слово первоначально входило в церковную терминологию.²³ Венг. *pitvar* было заимствовано из славянского *prítvorъ*, которое принадлежало несомненно к разговорному субстрату старославянского книжного языка, так как *притворъ* в древнеболгарском представляет собой народноэтимологическое переоформление среднегреческого *πρατόριον*, за-

18 Cp. Kniezsa, A magyar nyelv, 209-210.

19 См. Benkő (főszerk.), A magyar nyelv, II, 31; Benkő (Hg.), Etymologisches Wörterbuch, I, 516.

20 Kniezsa, A magyar nyelv, 210.

21 Cp. Benkő (főszerk.), A magyar nyelv, II, 31; Benkő (Hg.), Etymologisches Wörterbuch, I, 516.

22 L. Benkő (főszerk.), A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, III, Budapest 1976, 217; L. Benkő (Hg.), Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen, II, Budapest 1994, 1169.

23 Cp. Kniezsa, A magyar nyelv, 426.

имствованного в свою очередь из латинского *praetorium* (Кн., ЭСВенг).²⁴ Как известно, наряду с формой *притворъ* в древнеболгарских памятниках засвидетельствован и вариант *прѣторъ*;²⁵ из двух вариантов именно *притворъ*, к которому и восходит венг. *pitvar*, является несомненно народным, изустным заимствованием из среднегреческого.

Приведенные примеры указывают на то, что православный слой венгерской христианской терминологии был заимствован из того же славянского диалекта, который лег в основу старославянского книжного языка, созданного солунскими братьями Константином-Кириллом и Мефодием во второй половине IX века. Таким образом, мне представляется, что этот древний слой венгерской лексики не имеет, правда, непосредственного отношения к кирилло-мефодиевскому книжному языку (такому предположению противоречат исторические факты), но имеет прямое отношение к диалектной базе этого книжного языка (такое предположение подтверждается как историческими, так и лингвистическими показаниями). Думается, что дальнейшие исследования в этой области были бы очень перспективными и позволили бы вскрыть роль древнеболгарского как языка-посредника – проводника византийской культуры – не только в славянском мире IX–XI веков, но и в смежных с ним областях.

24 Kniezsa, A magyar nyelv, 425-426; Ср. Benkő (főszerk.), A magyar nyelv, III, 217-218; Benkő (Hg.), Etymologisches Wörterbuch, II, 1169-1170.

25 Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова (ред.), Старославянский словарь, Москва 1994, 498-499.